

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ТЕОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА В МИРОВОМ И РОССИЙСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: РОЛЬ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Ю.М. Почта

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В данной статье на примере обществ Северной Африки и Ближнего и Среднего Востока рассматривается вопрос о возможности применения концепции гражданского общества к мусульманскому обществу. Большое внимание уделяется внешнеполитической деятельности США в этом направлении на основе концепций либерализма, политического реализма и социального конструктивизма. Используются также цивилизационный подход, концепции глобализации, продвижения демократии, демократического мира, принудительной демократизации, стратегии перемалывания, контролируемого хаоса. Изучается тенденция использования институтов гражданского общества как одного из инструментов свержения политических режимов в мусульманских обществах на примере событий «арабской весны» 2011 г.

Ключевые слова: гражданское общество, демократия, мусульманское общество, цивилизация, принудительная модернизация.

После завершения «холодной войны» в мире доминирует западная либерально-демократическая модель как глобальный проект социального устройства.

Осмысляя эту ситуацию, Ф. Фукуяма, повторяя заблуждения Гегеля и Карла Маркса, пишет о «веке старости человечества», о конце истории как таковой.

Он утверждает, что в мире осталась одна западная либерально-демократическая модель как конечная форма человеческого правления и незападным обществам придется пойти по этому пути, так как «вряд ли можно говорить о реальных альтернативах либеральной демократии и рыночному капитализму как фундаментальным принципам организации современного общества» [13. С. 22].

Он полагает, что в сфере культурных оснований общества либерализм способствует созданию новой универсалистской гражданской идентичности, не связанной с этнической или религиозной принадлежностью. Угрозу этой универсалистской культурной идентичности он видит в «принципиальной вере» в мультикультурализм и моральный релятивизм [13. С. 382—383].

Фукуяма решительно отвергает любые надежды на возможность успешного развития обществ на иных началах, кроме универсалистской культурной идентичности. Он доказывает, что «политический порядок, основанный на сербской этнической идентичности или шиизме, никогда не перерастет границ какого-нибудь жалкого угла Балкан или Ближнего Востока и, конечно, никогда не сможет стать основополагающим принципом больших, разнообразных, динамичных и сложных современных обществ — как, например, составляющих Большую Семерку. Они не только столкнулись бы с неразрешимыми политическими противоречиями, связанными с религиозными или этническими меньшинствами, но их враждебность нововведениям закрыла бы для них возможность свободного экономического обмена и, следовательно, участия в современной экономической жизни» [13. С. 381].

Эти взгляды высказываются в контексте представлений о прогрессивности и линейности политико-экономического развития мировой, универсальной или глобальной цивилизации, в которой Запад выражает высшую форму развития, а незападные общества являются варварскими или в лучшем случае догоняющими. По выражению Ф. Фукуямы, «существует некоторая Универсальная история, ведущая в сторону либеральной демократии» [14. С. 95].

Несколько иную позицию занимает С. Хантингтон, анализируя мировую политику в период после завершения «холодной войны».

Проявляя определенную научную смелость и оспаривая доминирующее западноцентристское представление о существовании мировой цивилизации, он признает цивилизационный плюрализм человечества (в духе Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, М. Ходжсона).

По его мнению, впервые в истории человечества политика стала многополюсной и полицивилизационной. «За годы, прошедшие после окончания «холодной войны», мы стали свидетелями начала огромных перемен в идентификации народов и символов этой идентификации. Глобальная политика стала выстраиваться вдоль новых линий — культурных» [15. С. 13].

В этой связи он говорит не о неизбежности победы западной модели, а о том, что «выживание Запада зависит от того, подтвердят ли вновь американцы свою западную идентификацию и примут ли жители Запада свою цивилизацию как уникальную, а не универсальную, а также их объединения для сохранения цивилизации против вызовов не-западных обществ. Избежать глобальной войны цивилизаций можно лишь тогда, когда мировые лидеры примут полицивилизационный характер глобальной политики и станут сотрудничать для его поддержания» [15. С. 16].

То есть, не теряя веру в успех западной модели, С. Хантингтон выступает с предупреждением о том, что ей могут препятствовать культурно-цивилизационные особенности ряда регионов мира (прежде всего мусульманского мира и Китая) вплоть до того, что для их преодоления придется использовать военную силу США и их союзников.

Однако при этом вера западных политиков и политологов в неизбежное торжество либеральной демократии и институтов гражданского общества во всем ми-

ре остается неизменной. Для реализации этой цели осуществляется большая деятельность по демократизации человечества. Еще в начале 1980-х гг. президент США Рональд Рейган выступил за «крестовый поход за свободу» и «кампанию по развитию демократии» во всем мире, включая создание инфраструктуры демократии, частью которой являются институты гражданского общества. Но резкая активизация этой деятельности началась после окончания «холодной войны».

Полагая глобализацию американским проектом, современная политическая элита США считает ее распространение важной задачей международной политики США, включающей в себя содействие распространению демократических режимов. Или, как утверждают Т. Фридман и М. Мандельбаум, мир после окончания «холодной войны» является миром, созданным по американскому проекту на основе идей демократии и свободного рынка [18]. Всем обществам, не входящим в трансатлантическую цивилизацию, настойчиво предлагается осуществить цивилизационный модернизационный скачок к глобальной интеграции.

После событий 11 сентября 2001 г. в США продвижение демократии в мусульманских странах стало связываться с мировой борьбой с терроризмом.

В частности, для реализации этой цели в 2002 г. в США начала свою деятельность программа «Инициатива по партнерству на Ближнем Востоке» (The Middle East Partnership Initiative — MEPI) — программа партнерства между США, с одной стороны, частным сектором и неправительственными организациями Ближнего Востока и Северной Африки — с другой.

Президент США Джордж Буш-младший заявил в 2003 г., что «было бы самонадеянно и оскорбительно предполагать, что целый регион мира — или одна пятая часть человечества, которая исповедует ислам, — почему-то незатронут основными устремлениями жизни. Человеческие культуры могут быть совершенно разными. И все же человеческое сердце желает одних и тех же хороших вещей повсюду на Земле. В своем желании быть в безопасности от жестоких издевательств и угнетения люди везде одинаковы. Мы одинаковы и в нашем желании заботиться о наших детях и дать им лучшую жизнь. Из-за этих фундаментальных причин свобода и демократия будут всегда и везде иметь большую привлекательность, чем лозунги ненависти и тактика террора» [17].

6 ноября 2003 г. Президент США в своем выступлении в Национальном Фонде Демократии объявил о начале проведения новой внешней политики США — глобальной демократической революции. Начало этой политики было положено «освобождением» Ирака и началом создания там демократического общества, которое должно было послужить образцом для других обществ региона.

Так начала формироваться концепция реконструкции «Большого Ближнего Востока» на основе западной демократии как универсальной модели.

Однако, предлагая незападным обществам демократию и гражданское общество, Запад и прежде всего США радикально изменяют правила игры на мировой арене. Так, характеризуя концептуальную основу современной мировой политики, А.Д. Богатуров подчеркивает, что «новый международный порядок характеризуется сменой основополагающей идеи, остававшейся базой межгосударственных отношений с Вестфальского мира.

Вместо принципа *lasser-faire* («разрешительности», «невмешательства»), в соответствии с которым каждое государство хотя бы теоретически было свободно в своей внутренней политике до тех пор, пока это не начинало угрожать безопасности других государств, 1999 г. принес утверждение принципа «избирательной легитимности», в соответствии с которым государства-лидеры (страны «оси») могут сами определять параметры законности или незаконности того или иного правительства в зависимости от соответствия или несоответствия его политики интересам и представлениям государств-лидеров».

«В политологии стали набирать популярность концепции переходности: от госрегулирования — к свободному рынку, бедности — к процветанию, тоталитаризма — к демократии, унитарности — к федерализму, национального государства — к свободной ассоциации регионов и территорий...

Для международных отношений... стала неожиданно характерна «обратная идеологизация». Она выразилась в ужесточении либерально-моралистской «догматики», абсолютизации опыта западной демократии и связанных с ней хозяйственной и социально-политической систем».

И наконец, наиболее важный для нас вывод А.Д. Богатурова состоит в том, что над «реал-политическими» сдвигами в международных отношениях был водружен по-своему величественный «либерал-идеалистический» полог гипотезы о том, что главное содержание современной эпохи определяется переходом большинства стран мира на путь созидания гражданского общества на базе либерально-демократического синтеза [2. С. 203—204].

Эти изменения в мировой политике вызывают большое беспокойство в России, претендующей на свою роль в международных отношениях, защиту своих национальных интересов и своего политического суверенитета. Тем более что возможные вмешательства в дела других государств могут объясняться необходимостью продвижения демократии.

За этой позицией стоит практический опыт участия постсоветской России в мировой политике в 1990-х гг., когда под предлогом демократизации и защиты прав человека Запад начал передел мира, который сложился после окончания «холодной войны».

В наибольшей степени влияние на позицию России оказал драматический распад Югославии. После этого наша страна стала последовательным защитником принципа государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела других стран при соблюдении международно-правовых норм.

Принцип государственного суверенитета при этом трактуется Россией как имеющий большое значение, нежели индивидуальные права человека.

В своей речи на Конференции по вопросам политики безопасности в Мюнхене 10 февраля 2007 г. Президент России В.В. Путин охарактеризовал процессы, происходящие в мировой политике как формирование однополярного мира, что «в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рам-

ках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри. И это ничего общего не имеет, конечно, с демократией. Потому что демократия — это, как известно, власть большинства, при учете интересов и мнений меньшинства».

Затронув тему практически ничем не сдерживаемого, гипертрофированного применения силы в международных делах, он сказал, что «мы видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права. Больше того — отдельные нормы, да, по сути — чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере навязывается другим государствам» [9].

Аналогичную озабоченность высказывал и Д.А. Медведев.

Так, выступая на мировом политическом форуме в Ярославле в 2010 г. и говоря о судьбах демократии в мире, Президент России Д.А. Медведев заявил, что в качестве одного из приоритетов внешней политики страны он считает заинтересованность в том, чтобы как можно большее количество стран следовало стандартам демократии.

Вместе с тем эти стандарты не должны быть двойными для того, чтобы все государства могли их выполнять без опасений, что они будут использованы для ограничения суверенитета и вмешательства в их внутренние дела. Для этого необходимо правовое воплощение гуманистических ценностей и идеалов, придание этим ценностям практической силы международного права.

Д.А. Медведев также высказал опасение, что попытки насаждения внешних демократических форм в бедных обществах могут приводить к хаосу либо к диктатуре [8].

С учетом российской позиции по вопросу о соотношении прав человека, демократии, гражданского общества и государственного суверенитета мы рассмотрим существующие подходы политических деятелей и ученых США и России к демократизации ближневосточного общества.

Отдавая должное массовым выступлениям населения в целом ряде стран Северной Африки и Ближнего Востока в 2011 г., получившим название «арабской весны» [3; 11], мы попробуем изучить степень внешнего политического воздействия на процессы в арабском мире.

Основное содержание выступлений американских публицистов, политиков и ученых по поводу региона Ближнего и Среднего Востока сводится к идее о том, что там происходит конфликт секулярной демократии и исламского фундаментализма.

Достаточно эмоционально эту мысль выразил американский журналист Валид Фарес в своей книге о борьбе за свободу на Ближнем Востоке. «Я покажу, — пишет он, — что в этом несчастном регионе в тяжелейших условиях шла и продолжается борьба между силами, нацеленными на установление деспотического фундаменталистского Халифата, и гражданским обществом, ориентированным на демократию и социальные свободы» [12].

Антитезы свободы и деспотизма, демократии и фундаментализма, прав человека и авторитаризма широко используются и руководителями страны.

Выступая в мае 2011 г. по проблемам Ближнего Востока и Северной Африки, Президент США Барак Обама достаточно четко обозначил подход его администрации к становлению там демократии и гражданского общества.

Он уверен, что основная причина массовых выступлений в ряде мусульманских стран состоит в борьбе за права человека.

Многие политические режимы мусульманского мира неустойчивы из-за того, что они держатся только на страхе и репрессиях. Поэтому здесь на первый план выходит поддержка самоопределения индивидов на основе реализации их прав. Если же это самоопределение подавляется, США осуждают применение насилия в отношении населения региона. Жесткие выводы делаются в отношении лидеров таких стран. Так, сирийскому президенту Башару Асаду предлагается либо возглавить переход к демократии, или же уйти с политической сцены.

Конструктивное отношение к этим событиям должно способствовать продвижению американских ценностей и укреплению безопасности США.

Соединенные Штаты поддерживают всеобщие права человека, включающие свободу слова, свободу мирных собраний, свободу вероисповедания, равенство мужчин и женщин в условиях верховенства закона, и право избирать своих собственных лидеров — в Багдаде, Дамаске, Санае или Тегеране [21].

По нашему мнению, концептуально данное выступление представляет собой синтез политического идеализма, политического реализма и социального конструктивизма применительно к объяснению «арабской весны» первой половины 2011 г. В нем содержится иносказательное описание концепции «управляемого хаоса», реализуемой в ближневосточных странах посредством того, что права человека ставятся выше суверенитета государств.

Барак Обама не обращается к понятию государственного суверенитета. Хотя и делается оговорка о том, что США заботятся о стабильности нации, но основное внимание уделяется самоопределению индивидов.

Открыто признается, что многие политические режимы стран БСВ обречены — статус-кво существующих ближневосточных государств невозможно поддерживать.

После десятилетий принятия мусульманского мира таким, каким он был (авторитарным и деспотическим), у США есть шанс способствовать сотворению региона БСВ таким, каким он должен быть, в соответствии со своими представлениями (либерально-демократическими).

Тем жителям региона, которые готовы в этом творческом процессе участвовать, президент Барак Обама обещает полную поддержку со стороны США и выражает надежду на сотрудничество со всеми, кто принимает подлинную и всеобъемлющую демократию. Большая роль в этом процессе отводится структурам гражданского общества, включая официально непризнанным местными властями.

Среди прав человека президент США особо выделяет право граждан избирать своих собственных лидеров, упоминая при этом Ирак, Сирию, Йемен и Иран.

Примечательно, что в этот список не попадают монархические режимы БСВ, в которых не только это право, но и многие другие не реализуются и не обсуждаются. Единственная оговорка делается дальше в выступлении относительно Бахрейна, но без серьезных выводов для статус-кво этого государства.

Населению ближневосточных обществ настойчиво предлагается господствующий западный либерально-демократический дискурс, который должен определить их новую идентичность.

В выступлении четко прослеживается абсолютизация либеральной демократии, игнорируется концепция культурного релятивизма и, соответственно, не употребляется понятие цивилизации.

В той же тональности выступает по проблеме взаимосвязи демократии и гражданского общества в мусульманском мире Государственный секретарь США Хиллари Клинтон.

В июле 2011 г. она говорила о том, что «здоровье демократий зависит от здоровья гражданского общества... Мы видим это на Ближнем Востоке и в Северной Африке... Мы должны защищать гражданское общество. Мы считаем, что взаимодействие с гражданским обществом, так как это делают США в нашем новом стратегическом диалоге с гражданским обществом, помогает нам лучше узнать о том, как им помочь... они являются теми, кто находится на передовой линии фронта демократии» [19].

Защита гражданского общества в странах БСВ осуществляется целым рядом структур американского правительства и международными неправительственными организациями. Об одной из таких структур («Инициатива по партнерству на Ближнем Востоке» — МЕРИ) мы уже упоминали выше.

Ее деятельность показательна для иллюстрации нашей интерпретации подхода США к демократизации мусульманского общества.

Заместитель помощника государственного секретаря США Тамара Витт, курирующая «Инициативу по партнерству на Ближнем Востоке» (ИПБВ), полагает, что этот институт является важной частью усилий США по расширению взаимодействия с регионом для укрепления гражданского общества, а также по поддержке изменений в этих обществах.

ИПБВ давно предоставлял гранты непосредственно местным группам гражданского общества на Ближнем Востоке.

Если пять лет назад только небольшая часть грантов ИПБВ напрямую поддерживала институты местного гражданского общества, то за эти годы сделано многое для расширения поддержки местного населения. И сегодня из более чем 200 текущих проектов ИПБВ в 17 странах не менее половины — местные гранты — для прямой поддержки организаций местных граждан, стремящихся осуществить изменения в своих обществах.

Кроме того, во всех проектах с международными неправительственными организациями ИПБВ стимулирует их создавать партнерские отношения с местными организациями, развивать и расширять местный потенциал.

Внешняя помощь со стороны США, полагает сотрудник Государственного Департамента США, также важна как инструмент для реагирования на события «арабской весны».

К примеру, в Тунисе до начала «арабской весны» весь объем помощи составлял 2 миллиона долларов США и было предоставлено несколько грантов ИПБВ для поддержки независимого гражданского общества Туниса.

Начиная с января в поддержку демократии Туниса было изыскано более 30 миллионов долларов США, из которых 20 миллионов долларов составляли инвестиции ИПБВ, наряду с поддержкой от других государственных структур и Американского Агентства по международному развитию (USAID).

Благодаря такой помощи в Тунисе и Египте молодые люди, участвовавшие в свержении прежних режимов, также создали десятки новых неправительственных организаций и общественных движений.

Тамара Витт уверена, что несмотря на репрессии правительств, гражданское общество в арабском мире резко выросло за последние несколько лет.

Сильное, активное гражданское общество является важнейшим условием для демократического развития и здоровья демократии. Поддержка гражданского общества должна оставаться в центре внимания усилий США как по оказанию помощи, так и в дипломатии.

В Египте после революции ИПБВ уже предоставил несколько десятков новых грантов институтам местного гражданского общества для поощрения терпимости и плюрализма, для просвещения избирателей, а также для содействия включению женщин в политический процесс.

Тамара Витт подчеркивает, что поддержка демократии не может быть ограничена только помощью гражданскому обществу. Необходимо также способствовать созданию сильных демократических институтов — парламента, правоохранительных, судебных органов, и многого другого, что может быть использовано и может реагировать на требования гражданского общества, поэтому как гражданское общество, так и демократические институты являются двумя ключевыми областями для инвестиций со стороны США.

Соответственно, ключевыми компонентами демократии на Ближнем Востоке должны стать сильные демократические институты, активное гражданское общество, всеобщие права человека, беспристрастное верховенство закона и равенство для всех, включая женщин и меньшинства [16].

Такова позиция официальных лиц, — позиция сугубо идеологическая, сочетающая идеализм и прагматизм, геополитику и бизнес-интересы.

Она сильно упрощает социальную и политическую реальность, представляя американское видение мира в качестве единственного и универсального.

Критики такого подхода называют его либеральным фундаментализмом или культурным империализмом, который, в свою очередь, встречает противодействие со стороны иных фундаментализмов, в частности, в данном регионе это исламский фундаментализм.

Более конкретно о процессе создания демократии и гражданского общества в регионе БСВ рассуждает американский публицист Михаэль Мандельбаум. В отличие от политических деятелей он осторожно замечает, что демократия, и особенно свобода, не являются чем-то вроде пиццы, которую можно заказать в другом

месте и доставить в готовом виде — свобода не может быть полностью импортирована из-за рубежа. Процесс создания демократии лучше всего сравнить с выращиванием дерева.

Пытаясь объяснить неразвитость демократии в арабском мире, Михаэль Мандельбаум обращает внимание на то, что во многих странах демократия и свобода возникли вследствие формирования рыночной экономики. Экономика создает богатство, которое производит средний класс — социальную основу демократической политической системы.

Благодаря рыночной экономике и возникает гражданское общество.

Свободная рыночная экономика действует как своего рода троянский конь для демократии, способствуя поражению авторитарных режимов и прокладывая путь к свободе. Но почему арабские страны не смогли следовать этому образцу? Одни арабские страны имеют сверхдоходы от нефти, а другие успешно отыскивают внешние источники доходов (помощь), не зависящие от успешного функционирования рыночной экономики. Это препятствует демократизации и способствует выживанию недемократических правительств в регионе.

Среди других причин отсутствия демократии в арабском мире Михаэль Мандельбаум называет влияние ислама, а также этническую, религиозную и национальную неоднородность большинства обществ региона.

Будущее Ирака, полагает он, будет определять судьбу демократии в арабском мире. Утверждение иракской демократии с помощью США могло бы способствовать преодолению препятствий на пути демократизации арабского мира. Это продемонстрировало бы, что арабский ислам и демократия могут сосуществовать в стране, где нет недостатка в религиозном благочестии. Другие арабы увидели бы возможность существования гармонии без принуждения между суннитами и шиитами, между арабами и курдами [20].

Признавая неспособность мусульманских стран самостоятельно создать институты современного гражданского общества, М. Мандельбаум делает вывод о необходимости принудительной демократизации таких обществ.

В духе концепции реформирования «Большого Ближнего Востока» он надеется на то, что этот процесс поможет решить основные проблемы ближневосточных обществ, в частности избежать религиозных и этнических конфликтов.

На самом деле происходит обратное.

Насильственное свержение светских политических режимов приводит к исламизации политической и культурной жизни таких стран, как Ирак, Египет, Тунис, Ливия. На Ближнем Востоке усиливается политический конфликт суннитских и шиитских политических сил и стран (в частности, противостояние суннитских Турции, Саудовской Аравии, Катара против шиитских политических режимов Сирии и Ирана). В определенной степени это можно считать монархической суннитской контрреволюцией против исламской иранской революции.

Внешняя поддержка институтов гражданского общества в целом ряде стран Ближнего Востока также способствовала активному протеканию событий «арабской весны». Российский ученый и политик Ватаняр Ягья считает существенным

влияние, оказанное некоторыми структурами США на события в арабских странах, которые он отказывается называть «арабской весной», но дает этому явлению собственное название «арабские цунами».

По его мнению, американская общественная организация Национальный фонд развития демократии активно работала с лидерами арабской молодежи, обучала их на семинарах в США, в Европе и в арабских странах. Изучался и опыт сербской молодежной организации «Отпор», участвовавшей в свержении режима Милошевича.

Джаред Коэн, бывший поочередно советником Кондолизы Райс и Хиллари Клинтон, организовал в США «Альянс за молодежное движение». Филиал этой структуры — группа «6 апреля» — способствовала выходу на площадь Тахрир сотни тысяч протестующих против режима бывшего президента Египта Мубарака. Структура, созданная Джорджем Соросом, финансировала радиостанцию «Калима», служившую информационным центром оппозиции в Тунисе [16].

Экономическое и геополитическое объяснение отношения Запада к политическим переворотам 2011 г. в арабском мире также широко используется российскими авторами применительно к районам (странам) с большими запасами нефти или газа.

Так, А. Вашеров, прогнозируя развитие обстановки в мире, высказывает предположение, что если такой район еще не находится под контролем одного из современных геополитических центров силы (США, ЕС, Россия, Китай), то в нем с большой вероятностью может быть использована технология «арабской революции» («наличие угнетенного народа», «низкий уровень жизни в стране», «притеснение оппозиции», «отсутствие демократических свобод»).

А. Вашеров полагает, что наиболее привлекательным с экономической и геополитической точки зрения регионом (после Персидского Залива и Северной Африки) является регион Каспийского моря и Центральная Азия [4].

Наряду с указанными выше геополитическими центрами силы, действующими на ближневосточный регион, в последние годы утверждают себя в качестве таковых Турция, а также монархические государства Саудовская Аравия и Катар. Как полагает Д.Б. Малышева, «в целом «арабская весна» помогла Эр-Рияду и Дохе продолжить реформатирование Ближнего Востока по своему сценарию, в соответствии с которым на месте светских утверждаются религиозно-ориентированные режимы, близкие по своим идеологическим и политическим установкам суннитско-фундаменталистским правителям аравийских монархий и способные стать их союзниками против распространения (из Ирана) шиитского влияния.

Таким образом, именно руководители стран Персидского залива пока извлекают наибольшую выгоду из «арабской весны», одним из последствий которого стала деформация в ряде арабских стран светских режимов, разрушение в них зачатков политического плюрализма и создание перспектив для установления политических систем, близких к теократическим [7]. Получается, что принудительная демократизация ряда секулярных политических режимов в мусульманских странах на деле приводит к архаизации общества и его исламизации. «Демократиза-

ция» влечет за собой борьбу за власть и дестабилизацию конкретных обществ и региона в целом.

До этого был аналогичный опыт внешнего вмешательства в мусульманские страны под предлогами борьбы с терроризмом (Афганистан) или ликвидации запасов оружия массового уничтожения (Ирак).

В Сирии более года продолжаются вооруженные столкновения правительственных войск и повстанцев, поддерживаемых извне под предлогом устранения деспотического режима Башара Асада. На очереди вмешательство в Иран под предлогом прекращения его программы создания ядерного оружия.

Помощь повстанцам под предлогом защиты мирного населения в Ливии на самом деле оказалась международной операцией по свержению политического режима М. Каддафи. В этой операции смена режима была осуществлена не прямым военным вмешательством, а посредством поддержки сил, боровшихся с Каддафи внутри страны. «Развертывание событий в Ливии и Сирии более походит на попытку убрать „девиантные“ арабские режимы под шум гроз „арабской весны“» [3. С. 151].

Миротворческая деятельность ООН была доверена НАТО, превратившейся в институт силового вмешательства во внутренние конфликты стран, которые не являются участниками этой военно-политической организации. «Ливийская кампания, — полагает И.Н. Куклина, — стала очередным свидетельством легитимации вмешательства извне во внутренние дела суверенного государства с опорой на военную силу, что превратилось в последние десятилетия в основную тенденцию международной политико-правовой практики» [6. С. 34].

Можно ли «арабскую весну» 2011 г. называть переходом от деспотизма к демократии? Мы согласны с оценкой этого процесса А.М. Васильевым, который полагает, что степень научной обоснованности термина «демократические революции» к этим процессам будет ясна позже. «Пока же мы невольно пребываем в плену стереотипов восприятия и ожиданий того, что революция повлечет за собой переустройство государственного управления на более демократических и прогрессивных началах» [3. С. 151].

К сожалению, необходимо признать, что два великих мыслителя современности — Жак Деррида и Юрген Хабермас — поспешили в 2003 г. сделать вывод о том, что успехи европейской интеграции дают основание для критического восприятия Западом своей цивилизаторской миссии в незападном мире.

«Каждая из великих европейских наций, — писали Жак Деррида и Юрген Хабермас, — в свое время пережила расцвет имперской мощи и — что в нашем контексте важнее — должна была осмысливать опыт утраты империи. Закат империи во многих случаях сочетается с утратой колониальных владений. С растущим отдалением от имперского прошлого и от колониальной истории европейские нации, кроме прочего, получили шанс занять рефлексивную дистанцию по отношению к самим себе. Поэтому они сумели научиться — с точки зрения побежденных — воспринимать самих себя в сомнительной роли победителей, которым приходится отвечать за насилие со стороны насильственно навязанной модернизации, которая лишает народы корней. Это могло бы способствовать отказу от европоцентризма и окрылить кантовскую надежду на мировую внутреннюю политику» [5].

Заключение. Можно полагать, что из двух показанных нами подходов к развитию человечества в настоящее время реализуется подход Ф. Фукуямы, а не С. Хантингтона.

Мировая политика осуществляется в контексте представления о прогрессивности и линейности политико-экономического развития мировой цивилизации, в которой Запад выражает высшую форму развития.

Западное сообщество осуществляет в арабских странах мусульманского мира «крестовый поход за свободу» и «кампанию по развитию демократии», включая создание инфраструктуры демократии, частью которой являются институты гражданского общества. Цивилизационная идентичность всех обществ, не входящих в трансатлантическую цивилизацию, игнорируется. Эти общества характеризуются как транзитные и им предлагается осуществить цивилизационный модернизационный скачок к глобальной интеграции.

Если применить по аналогии к нашему материалу представления А.Д. Богатурова о «стратегии перемалывания» на постсоветском пространстве [2. С. 203—204], то можно сказать, что современная глобальная политика США рассчитана на достижение «мягкой мобилизации» ресурсов союзников для достижения общезападных целей под своим руководством, а также на раздробление потенциала социально-политического и культурного противодействия западным устремлениям, в том числе через «стратегию перемалывания».

Итогом такой политики оказывается формирование на пространстве Северной Африки и БСВ сети слабых и неустойчивых новых государств, включенных в сотрудничество и отношения «асимметричной взаимозависимости» с Западом.

Геополитический смысл такой стратегии заключается в повороте США к реформированию всего этого пространства в интересах придания ему новой государственной и коммуникационной структуры, адаптированной под интересы развития мировой экономики и ведущих государств Запада. В основе этой новой структуры Запад предпочитает видеть небольшие и слабые государства, возникающие в процессе разрушения существующих государств.

Под предлогом оказания гуманитарной помощи (интервенции) населению государств, сохранившихся с периода холодной войны, Запад способен провоцировать гражданские войны, сепаратизм и раскол прежних государств.

Низвержение политических режимов под предлогом преодоления их авторитарного или деспотического характера зачастую приводит к разрушению слабо укорененных на незападной почве мусульманского общества западного типа институтов государственности и к актуализации традиционных, в том числе архаичных структур государственности и политической культуры. Это можно назвать навязанной модернизацией по западному образцу, который был абсолютизирован и превращен в единственную модель развития для всего человечества.

Такую модернизацию в аспекте развития демократии и становления гражданского общества мы наблюдаем в арабских мусульманских странах.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бжезинский З.* Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. — М.: Международные отношения, 2007.
- [2] *Богатуров А.Д.* «Стратегия перемалывания» в международных отношениях и внешней политике США // *Внешняя политика и безопасность современной России. 1991—2002. Хрестоматия в четырех томах / Составитель Т.М. Шаклеина.* — Т. 3: Исследования. — М.: РОССПЭН, 2002.
- [3] *Васильев А.М.* Рецепты Арабской весны: русская версия. — М.: Алгоритм, 2012.
- [4] *Вашиеров А.* Арабский сценарий в Центральной Азии — кто на мушке? (20 апреля 2011 г.) // URL: <http://www.wprg.ru/?p=2087>
- [5] *Деррида Ж., Хабермас Ю.* Наше обновление после войны: второе рождение Европы // *Отечественные записки.* — 2003. — № 6 (14) // URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=15&article=715>
- [6] *Куклина И.Н.* Операция НАТО в Ливии // *Север — Юг — Россия 2011. Ежегодник / Отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева.* — М.: ИМЭМО РАН, 2012.
- [7] *Малышева Д.Б.* Аравийские монархии в политических играх 2011 года // *Север — Юг — Россия 2011. Ежегодник / Отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева.* — М.: ИМЭМО РАН, 2012.
- [8] *Медведев Д.А.* Выступление на пленарном заседании мирового политического форума «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности» (10 сентября 2010 года) // URL: <http://kremlin.ru/transcripts/8887>
- [9] *Морозов В.* Охранительная модернизация Дмитрия Медведева. Некоторые размышления по поводу ярославской речи (2010) // URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/2123/2146>
- [10] Речь Президента России В.В. Путина на Конференции по вопросам политики безопасности в Мюнхене 10 февраля 2007 г. // URL: <http://lenta.ru/articles/2007/02/10/asymmetry>
- [11] Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года / Отв. ред. А.В. Коротаев, Ю.В. Зинькина, А.С. Ходунов. — М.: Издательство ЛКИ, 2012.
- [12] *Фарес, Валид.* Революция грядет: борьба за свободу на Ближнем Востоке. — М.: Эксмо, 2012.
- [13] *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.
- [14] *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. — М.: АСТ: АСТ Москва: ХРАНИТЕЛЬ, 2007.
- [15] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
- [16] *Ягья В.* Уроки «арабских цунами» // URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/744052/cat/94>
- [17] George Bush's speech to the American Enterprise Institute (Thursday 27 February 2003) // URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2003/feb/27/usa.iraq2>
- [18] *Friedman T.L., Mandelbaum M.* That Used To Be Us. How America Fell Behind in the World It Invented and How We Can Come Back. — N. Y: Farrar, Straus and Giroux, 2011.
- [19] (Hillary Clinton) Remarks by Secretary Clinton: July 2011. Remarks at Community of Democracies Ministerial // URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2011/07/167479.htm>
- [20] *Mandelbaum M.* Arab Democracy and American Policy (February 25, 2009) // URL: <http://www.meforum.org/2070/arab-democracy-and-american-policy>
- [21] (Barak Obama) Remarks by the President on the Middle East and North Africa (May 19, 2011) // URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/05/19/remarks-president-middle-east-and-north-africa>
- [22] (Tamara Wittes, 7/21/2011) Can Foreign Assistance Bolster the Arab Spring? Keynote Speech by Deputy Assistant Secretary of State for Near Eastern Affairs Tamara Wittes // URL: http://mepi.state.gov/mfan_tcw.html

**THE MUSLIM WORLD:
THE ROLE OF THE INSTITUTION OF CIVIL SOCIETY
IN THE PROCESS OF FORCED DEMOCRATIZATION**

Y.M. Pochta

The Department of Comparative Politics
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

In this paper the possibility of application of the concept of civil society to the Muslim community on an example of societies of North Africa and the Middle East is discussed. Much attention is paid to the USA foreign policy in this region based on the concepts of liberalism, political realism and social constructivism. The author also used such concepts and approaches as civilization, globalization, promotion of democracy, democratic peace, forced democratization, controlled chaos.

Key words: civil society, democracy, Muslim society, civilization, forced modernization.